

Вкусный, но не приторный слог.
Естественный, но не
примитивный язык. Фабула,
язык, образы, фон — все очень
органично. История втягивает,
читаешь — и включаешься в эту
хаотичную полупрозрачную
реальность. Верешь в нее,
начинаешь видеть вскользь
упомянутые детали.

natoza

**Дарья
Симонова**

СВИНГУЮЩИЕ

Красная линия

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Дарья Симонова

Свингующие

«Центрполиграф»

Симонова Д. В.

Свингующие / Д. В. Симонова — «Центрполиграф»,

Каспар Ярошевский считал, что женитьба так же неизбежна, как служба в армии или медосмотр. Почему же для одних людей связующие узы священны, а для других – тяжелое бремя обязательности? Как же поймать тот ритм, ту мелодию, единственную, свою, дающую мир, спасение, надежду? Как различить ее в клиническом абсурде чужих судеб, рваном грохоте непристойных откровений и скромных аккордах всеобщего приспособленчества?..

© Симонова Д. В.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дарья Симонова

Свингующие

Глава 1

Части тела

Из Сашеньки: «Единожды женатый, кто тебе поверит».

В детстве Каспар решил, что не будет жениться. На всякий случай. Но постепенно понял, что это неизбежно, вроде армии или медосмотра. Он и в армию пошел, чтобы доказать себе, что не малахольный, но с браком было иначе. Ребенком он пытался приоткрыть ларец с семейными ценностями, но тот прикидывался интригующе пустым. Родители личным примером убедили его, что брак – емкая тема для анекдотов, и это единственное, что его оправдывает. Впрочем, отец, упражняясь в сером юморе, – для полноценной черноты одного папе не хватало основательности, – чувствовал себя отменно. Мать представляла собой немотивированное непостоянство: она меняла прически, одежду, посуду, собачьи подстилки, по возможности мебель и настаивала на переездах. Ее организм требовал перемен как основного витамина.

Она была любимым в округе парикмахером. Каспар много размышлял над тем, что означает «легкая рука», это магическое и едва ли не главное свойство в куаферном деле. Он часто как бы ненароком взвешивал материнские ладони или искал на них особые отличительные знаки. Но они скрывались не в статике, а в движении. В резковатой сноровке, в продуманной небрежности, в чем-то одновременно неуловимом для зрения и явственном для осязания.

Но правильной парикмахерше важнее иметь длинные, ухоженные волосы и красивую грудь. Это располагает: ведь к собственному телу спокойнее допускать тех, кого природа не обделила. Кто может поделиться красотою. Тут сапожник не может быть без сапог. Вот и вся мистика Полишинеля! А нарастающая луна и прочий фольклор для профи необязательны. С длинными волосами у матушки был порядок, – она их только успевала перекрашивать из воронова крыла через махагон в русый и платину. На тело тоже пожаловаться не могла – напоминала валькирию в миниатюре. И имя у нее было подходящее – Аврора. В общем, клиентура к ней шла день и ночь и в парикмахерскую, и домой, она стригла и укладывала с сосредоточенным упорством, никогда не отказываясь от подработки. Чужие и попутно свои волосы были для нее смыслом и хлебом насущным. Вырез ее белой блузки-поло был оккупирован заколками-защипами, которыми она по-хирургически точно орудовала, создавая очередной шедевр. В свободное от шедевров время мама готовила однообразно простые блюда – жареная картошка, куриный суп, бараньи котлеты, смотрела детективы, убеждала Каспара сделать стоматологическую карьеру и ругала отца.

Мать была карательной и волевой составляющей семьи. Отца Каспар совсем не боялся, и в его компании чувствовал интригующую свободу. На фоне матушкиной занятости отцовский образ жизни казался таинственным и аристократичным. Встречи на ипподроме (не существующем в маленьком городе!), ночные телефонные разговоры с понижением тона, портреты западных рок-звезд в его маленькой студии звукозаписи, где он, как выражалась мама, вершит свои «темные дела»... – все это вкупе со смуглым обаянием создавало необычную харизму. К тому же отец был красив. Когда он сел в тюрьму на шесть лет, мать позвонила своей сестре и устало сказала:

– Я тебе говорила, что он подлец. Выбрал такой неподходящий момент. Мы на мели, а он...

Сестра – а для Каспара она была тетей Гулей или просто Айгуль – не вняла. И она, и все матушкины подружки находились под обаянием симпатяги. Хотя тетка была умнее всех, даже влюбленность в свояка не мешала ей шумно сочувствовать матери:

– Рорик, мы найдем тебе другого мужа. Перспективного архитектора.

Сама Айгуль побывала замужем три раза, но мятущаяся ее душа не знала покоя.

Братьев и сестер Каспару заменяло общество Шерифа. Крови колли и немецкой овчарки в нем так удачно смешались, что создавалось впечатление удачно выведенной отдельной породы. Жизнерадостного пса привела Айгуль, имя ему придумал отец, предрекая свои проблемы с властями, кормила и чесала мама, а любил и выгуливал Каспар. Любил больше, чем кто-либо, или ему так казалось: он ведь относился к Шерифу, как к родне. Правда, порой Каспару не хватало в нем субординационной этики – беспечный четвероногий одинаково радовался всем домашним, а также чужим или одинаково всех игнорировал, в зависимости от ситуации. А ведь мог бы эмоционально выделять своего наперсника по затеям – все-таки в семейной иерархии Каспар мыслил себя непосредственным начальником над четвероногим. Причем начальником попустительствующим: любимейшей провокацией коварного дитяти было утреннее приглашение нарушить «диванное» табу. Шерифу запрещалось взбираться на человеческое ложе, и он не претендовал. Но Каспар сладостно и упорно вводил его в искушение, давая каверзную команду. Пес наострял локаторы и умильно наклонял голову, призывая прекратить испытание. Делал вид, что не понимает, чего от него хотят, тихо скулил от пытки соблазном и в конце концов одним легким и резким прыжком перечеркивал все условности воспитания.

Шериф всегда был опечален своим моральным проигрышем...

В отцовском исчезновении из жизни семьи была некая симметрия: когда он загремел в тюрьму, сыну было шесть лет, и отсутствовал он тоже шесть лет. Эти годы прошли в странном спокойствии. Этакая грусть в ожидании справедливого исхода, притом что воздаяние за печаль кем-то гарантировалось. По всем предметам Каспар успевал равнодушно хорошо. Это было время, когда самыми могущественными чародеями казались официанты. Они выполняют изысканные гастрономические желания и берут за это огромные деньги. Официанта Каспар видел раз в жизни, когда Айгуль с очередным мужем пригласили оставшуюся без кормильца родню праздновать чей-то юбилей. Юбиляра Каспар совершенно не запомнил. Зато молодой человек в галстук-бабочке с непроницаемым лицом адепта вражеской разведки произвел неизгладимое впечатление на неокрепшую детскую натуру. Вот он, долгожданный шпион, приплывший из-за моря, которого так жадно ждала детвора маленького городка! Маленький городок – это неделимая мыслеформа из прошлого, как простое число, которое делится только на единицу или на само себя. Не распространяемая тема – и без слов все ясно.

Маленький городок был прекрасен своими закоулками и низким сиреневым небом, в котором обитали липкие неопрятные комья космического пластилина. По мнению Каспара, именно облака, а точнее, их форма являются единственным доказательством наличия Высшего Разума. И еще море, конечно, в котором вечно нельзя было купаться. Зимой холодно, и летом холодно. Были теплые дни, но их по пальцам пересчитать. Например, когда вернулся папа. Долгожданное гарантированное чудо приветствовала природа.

В отсутствие «подлеца» мать бережно поддерживала его авторитет и отпустила ему все грехи.

– Папа пострадал за другого человека. Папа ничего плохого не делал.

То же самое говорилось подругам и знакомым. Ореол мученика вкупе с располагающей внешностью подняли рейтинг вершителя темных дел на первые строки местного хит-парада. Отца теперь величали не иначе как Сашенька. Каспар впервые возгордился своим необычным именем: ведь его называли в честь рано умершего прадеда по отцовской линии.

Вернувшись из тюрьмы, отец застал Каспара окрыленным будущим предназначением. Тот пережил увлечения моделированием, резьбой по дереву, легкой атлетикой, футболом и понял, что всем перечисленным он еще в жизни побалуется, но его истинное призвание – ветеринарное дело. При школе был открыт живой уголок, которым руководила энергичная метресса биологии. Каспар и несколько ребят немедленно вступили в зоологическое братство. Для обыкновенной школы заштатного города масштаб затеи был не мелким: в небольшом загоне, выстроенном на скорую руку, обитала даже пожилая косуля, забредшая из ближних лесов. Кроме нее, самой крупной подопечной, были взяты в оборот лисенок, кролик, белка (очень самостоятельное создание), сурок, щенок и группа мелких грызунов. Сашенька не мог оправиться от удивления: ведь он планировал для отпрыска немного иную карьеру. Но, уповая на бренность детских мечтаний, оставил Каспара в покое. Ему хватало забот о себе. К счастью, его взял к себе в магазин старый друг дядя Марик. И папа нырнул с головой в новые приключения. Утром одновременно включал радио, кофемолку, электробритву (борода должна была иметь строгие контуры). Очертить ее границу Сашеньке еще дозволялось, но саму бороду стригла и холила только Аврора. Все-таки мастер своего дела! Она даже пыталась умаслить брутальную растительность благовониями, но это отец считал перебором. Матушка с пониманием отнеслась к Сашенькиному крену в щегольство, пусть-де зализает тюремные раны. Кофейный дух благотворно влияет на неуступчивых. Аврора терпеливо сносила поиски подходящего галстука цвета увядания. А лучше пьяной вишни!

– Сегодня мне нужно обаять одну девушку от тридцати до шестидесяти... Надеюсь на милосердие зрелости. Но... ты же знаешь, как мне нужна ассистентка! Мужчины доверяют женщинам, женщины тоже доверяют женщинам. А мне надо выглядеть безупречно, безупречно. Считай, что у меня первый *бар* Наташи Ростовской!

У Каспара зародилось стойкое ощущение, что самые важные посты на Земле занимают строгие девушки-старухи, непримиримые к погрешностям бороды. Наиважнейшая задача в любом деле – обаять стражниц-монстров, охраняющих неведомые сокровища. И казалось очевидным, что сам Каспар, достигнув определенного возраста, тоже научится папиным уловкам. Правда, неизвестно зачем. Но в этом и прелесть: одно дело, когда маленькому человеку кажется, что к тридцати годам у него, само собой, будут жена, дети, квартира, скипетр и мантия. Это обычный путь земных иллюзий. Но совсем другое дело – уверенность во врожденном умении. В способности к процессу вне зависимости от того, принесет ли он материальное благо или нет. Такая уверенность – приданое от Бога, с которым не пропадешь.

Притом что, как ворчала мама, отец «взялся за старое», семейство никак не богатело. А ведь темные дела вроде как приносят больше прибыли, чем светлые, так говорят все. Значит, отец чист, успокаивал себя Каспар, и брал велосипед напрокат. Его восхищала возможность брать что-то на время. Он не был одержим собственническими страстями. Ему нравилась смутная власть спасителя. От того и тяга к врачеванию. Мама парадоксально поощряла Каспарово кредо:

– Вот, может, и вправду станешь доктором. Стоматолог – очень нужная профессия. Занимайся, милый... – и давала с собой кулек печенья, чтобы детвора устроила чинное чаепитие и обязательно угостила добрую зоологическую фею. Чтоб и она зубы попортила – сыночку больше работы будет...

Каспар совершенно не желал быть дантистом. Он только потом понял, что мать имела в виду статус и обеспеченность. Но у мамы были и другие приоритеты. Например, она любила Лермонтова.

О тюрьме отец старался не вспоминать. В Каспаровой голове заточение родителя укоренилось как неизбежная издержка его многотрудной стези. Ведь папа называл себя «партизаном экономической свободы». Обыденных ярлыков, вроде «цеховик» или «фарцовщик», Сашенька избегал. Тем более тех, что намекали на противозаконность. Тем более что он не был запра-

вилкой в этих затеях, а только ироничным, как и полагает жанр, оруженосцем. Каспар среди своих сверстников ревниво оберегал отцовскую репутацию. Точнее, бдиль – случай вступить представился, но позже и в стане чужаков. Его окружение уважало импозантного сидельца с неравномерно поседевшей бородой. Если приглядеться, то можно было заметить, что она полосатая, как тигровая шкура. Однажды Каспар услышал, как девочки шептались о ее красоте. Наступала новая эра отцовского успеха: на смену матушкиным подругам приходили Каспаровы одноклассницы. Воистину Сашенька был непотопляем.

Аврора тоже была непростым корабликом. Популярность мужа она принимала с ироническим стоицизмом, нередко советуя обратить свою благосклонность к кому-то из достойных претендентов.

– Вот она бы тебе подошла, Сашок, – заводила речь матушка об очередной одинокой мечтательнице.

– Она – ничего. Задроченная разведенка, неправильный прикус, квартира малогабаритная, образование высшее. Бывает хуже. А еще кто у тебя на примете? Нужно ознакомиться со всем списком, прицениться. Нет в тебе систематического подхода, Рора...

Отец любил подчеркнуть их с матушкой интеллектуальное неравенство. Но, полагая мужчину более высокоразвитым существом, чем женщину, во многом он оставался консерватором и любой союз разнополых людей считал мезальянсом. Такая аксиома приводила к его полной пассивности по части возможных адюльтеров: зачем менять шило на мыло? Каспар, конечно, не мог поручиться за Сашенькину верность, но мама никогда не упрекала отца по этой части. Точнее, она была изначально готова к «левым» неприятностям и, готовясь к неизбежному, торопила его. Это – свойство всех самолюбивых натур. Но гораздо живее она интересовалась другим неизбежным, а именно будущей женитьбой сына. Профессию она для него уже выбрала, но не была уверена, что сможет с такой же легкостью решить матримониальную задачку. Словом, Каспар рос между двумя полюсами. Отец проповедовал тщету семейных уз, матушка – их сакральность. Ни тот ни другой не следовал своей философии: Сашенька не удалялся с посохом к обетованной свободе, Аврора не берегла свои кандалы. Оба хотели, чтобы за них осуществил декларируемое отпрыск.

А Каспар никак не мог понять, почему вокруг свитого гнезда столько шума. Внутри него сплошная обыденность. Лишь Новый год да матушкин день рождения могли с натяжкой претендовать на роль семейного праздника, куцега фейерверка жизни: семья в сборе, одобренная гостями, и великая радость, если кем-то из сверстников, – обычно сыном Айгуль. Руслан на два года старше и лет на десять порочнее. С годами разница и в возрасте, и в порочности не менялась. Но Каспар был очарован не порослью запретного, а всего лишь сладостью совместного хулиганства. Во всяком случае, так было, пока хулиганства у кузенов не стали слишком разниться.

А что же до дня рождения отца? Он никогда не отмечал его дома, уходил к тем, кто тоже вершит темные дела. К дяде Марику, например. А тот уже успокаивал Аврору, звонил и отчитывался о чинном ходе праздника. Матушка успокаивалась, потому что Марик был не просто таинственным тeneвым воротилой. Он окончил университет, исполнив волю родителей-физиков. Он цитировал Лермонтова – про камень в протянутую руку. Подарил Авроре итальянские сережки. Огнестрельную дыру в его черепе закрывала титановая пластина. И однажды он был Дедом Морозом и пришел поздравить Каспара. От Деда Мороза пахло тмином. И чем-то еще. Он вручил Каспару магазин от пистолета ТТ, наказав стрелять только в Господа Бога (его все равно не достать, а Каспар еще и добавил про себя: «Тем более что он злой»). Авроре достались сережки, а Сашеньку наградили мужским ароматом.

– Тебя давно надо было *огучить*!

И семья в кои веки была единодушна в своих симпатиях, хоть отец и с подозрением относился к благовониям. Про Гуччи, кстати, Каспар тогда слыхом не слыхивал. Но понял однажды, что сел папа из-за Марика.

И какой можно было сделать вывод? Семья маленькая и разрозненная, а мир огромен и един. Но, в сущности, они очень похожи, колесики и шестеренки их внутренних механизмов работают одинаково. Отец и мать с Каспаром, но редко, чтобы оба сразу. В мире примерно так же: редко-редко составляющие нашего «я» в сборе и все довольны происходящим. Человек словно морковка, нарезанная соломкой для плова. И он привык радоваться частями. Легкая рука, тяжелое сердце...

Глава 2

Десять слов

Из застольной болтовни Сашеньки: «Знаете, почему Аврора за меня вышла? Потому что, по чувашским поверьям, незамужняя девушка после смерти становится женой злого бога. Женщины выходят замуж, чтобы избежать, а не приобрести».

О сердце никто и не думал. А оно подвело Аврору. Плата за легкую руку. Она умерла от приступа прямо на работе. Так уходят жители энциклопедий, – актеры, ученые, прочие ВИПы, – Каспар потом много читал об этом. Даже слишком много, потому что искал объяснений. Уход матери напоминал падение гири в колодец, за которым не последовало всплеска. Если бы Каспар дал этому всплеску произойти в недрах сознания, то, вероятно, повредился бы рассудком. Сработал защитный механизм, и всплеск раздробился на брызги, растянулся в бесконечности. Отец это объяснял эволюционно: Каспар, как единственный потомок матушки, должен был выжить и дать здоровое потомство, поэтому его пятнадцатилетний организм включил аварийную систему на полную мощь. Пятнадцать лет – хрупкий возраст. И отец сделал все, чтобы трагедия не искалечила единственного потомка. Но, как выяснилось однажды, Сашенька относился к продолжению рода куда небрежней, чем казалось.

Эта досадная мелочь долго была в тени. Полгода мир целиком затмевала потеря. Каспар даже не садился на кухонный стул, где Аврора позволяла себе краткое вечернее бездействие – чай с рижским бальзамом, крошки безе на коленях, остановившийся взгляд. Труднее было с одеждой, ведь накануне смерти она постирала, погладила и уложила в безукоризненном порядке Каспаровы рубашки. Теперь они хранили эфемерные отпечатки ее драгоценного поля. Носить их и швырять в стиральную машину все равно что ранить белую верблюдицу. Максимум, что позволял себе Каспар, – это прикоснуться к аккуратным стопкам щекой. Этот жест держался в строгой тайне и был припасен для самых острых приступов животного протеста против смерти. Стараниями тетки Каспар теперь одевался только в наследство Руслана...

Аврора ушла, оставив нечесаной двухнедельную очередь на стрижки, укладки и разные перманенты. Дамы сожалели, но к сочувствию примешивалась досада. Кто же их теперь будет стричь?! Они оплакивали Аврору как прикладной механизм. Тогда Каспар понял еще одну причину, по которой матушка желала ему медицинской карьеры: врач – фигура, несомненно, более величественная, чем парикмахер. По доктору скорбели бы глубже, – так казалось... Хотя и это заблуждение, потому что хорошему врачу попросту не прощают внезапную смерть. Но об этом Каспар узнал значительно позже. Пока же он уходил в горькую грезу о том, что однажды дверь откроется и войдет живая и невредимая, с идеальной прической... – настолько архитипичная фантазия для скорбящего, что когда-нибудь за счет мысленного резонанса поколений она непременно материализуется у одного из жителей Земли. Сашенька молниеносно отправил сына к Айгуль, но еще не пришло ее время, когда она сыграет свою роль в жизни племянника. Руслан как раз умотал на лето, и что Каспару было делать с теткой, которая в порыве утешений ложилась к нему на постель и заливала слезами подушку?! А еще к ней приходил неприятный мужчина с бородавкой на шее, которую хотелось отколупывать, не торопясь думая о чем-то своем... Гуля представляла его как архитектора. Не того ли, которого хотела приискать для Авроры? Было совершенно не ясно, что делает архитектор в таком глухом месте. На памяти Каспара в городе не то что строили, но даже сносили медленно. Архитектор был явно неперспективным и оттого неприязненным к миру.

В это черное лето двое ближайших друзей Каспара лишились невинности. Игорю Бекетову, по прозвищу Бек, открыла чарующий мир проводница поезда, а Денис Найденов – Найденыш – набрехал. Не хотел отставать, а фантазия была через край. Придумал себе randevu

с травести из местного театра. Она играла в детских спектаклях представителей не крупной фауны, а на елках из года в год подвизалась Снегурочкой. Сюжету нельзя было отказать в правдоподобии: Снегурка выглядела ранимой и податливой, а родители Найденыша были близки к скудным театральным кругам города. Убедительно соврать – это почти то же самое, что совершить наяду, потому к Дениске претензий не было. Друзья засчитали ему боевое крещение. Более того, Каспар не заметил, как сам увлекся гуттаперчевой актрисой и даже назначил своей воображаемой женой, которую как будто бы одобряет мама. Фантазии впечатлительного друга явились толчком для собственных. Хотя впоследствии, как это часто бывает, своим мечтам было присвоено право первородства. Он относился к ним как к долгу. Ведь теперь он обязан выполнить матушкины напутствия о благополучной женитьбе.

Это раньше можно было ерничать и фыркать, посылая свою будущую неведомую жену – непременно фурию с тремя подбородками – на Фолклендские острова. Матушка изобрела развивающую игру для повышения Каспарова кругозора: уж если он все равно издевается над матерью, так пусть по ходу дела изучит географию. Выбирали материк, в пределах которого Каспар мог удирать от постылой супруги. Задача – найти максимально удаленную точку от того места, где предполагаемая фурия находится в данный момент. Не бог весть какие правила, но названия столиц запоминались. Особенно увлекательно было носиться по Африке или углубляться в дебри островов, водя пальцем по географической карте. Попутно изучались местные особенности и государственное устройство. К тому же, «набегавшись от жены», Каспар начал ее жалеть. «Присматриваться»: может, не так уж она плоха? И достойна ли мыкаться по людоедским уголкам мира, не нащупав руку помощи?!

Входил ли неожиданный эффект в тайный материнский умысел, неизвестно. Однако факт налицо – Каспар проникся сочувствием к немолодым женщинам. В его представлении немолодость начиналась лет с двадцати трех. Отчего он не жалел молоденьких? От них-то, поди, не бегают... Скоро он узнал, что ошибался.

Сашенька либо безмолвствовал, либо, уж если начинал говорить, слишком часто повторял слово «навсегда». «Да, теперь это уже навсегда...» стало любимым его рефреном. Он много говорил по телефону. А при встречах, наоборот, отмалчивался, во всяком случае, при тех, что происходили у него дома. Поначалу Каспар этого не замечал, прозябая у Айгуль, но время шло своим чередом. Настал учебный год, осень прокралась за воротник, отец научился готовить загадочный суп, который называл «Плавильный котел». Принцип прост: покромсать все наличествующее съестное в кастрюлю и приправить плавленым сырком. Изредка подавалась солянка «Короткие встречи» (имелась в виду встреча колбасы и консервной рыбы, которая ничем хорошим закончиться не могла). Попробовав однажды это гастрономическое бесчинство, Айгуль приняла меры – сообщила куда надо. И в дом зачастили с поздними визитами сочувствующие подруги Авроры. Но их атаки Сашенька отбивал грамотно и успешно. Никто не уходил в обиду, потому что от судков с борщами и завернутых в тряпочку капустных пирогов вдовец не отказывался. Это вселяло в данаек, дары приносящих, надежду. Надежду весьма зыбкую, потому что особое расположение ни к кому не выказывалось. Отец изображал благодарное смущение и мучительную неловкость. Дескать, сын переживает, не могу долго быть с тобой, сама понимаешь... Его понимали.

Это была ложь. Сашенька просто не хотел жениться, и драгоценный сын был ни при чем. С сыном, впрочем, хватало хлопот: он перестал учиться, прогуливал уроки, увлекся тиром и дурной компанией. На самом деле ничего особенного не случилось, Каспар просто изучал незнакомые ему доселе явления жизни, а отец сделал неправильные выводы. Он, как и матушка, торопил плохое. Раз сын пережил потрясение, так он непременно должен ступить на кривую дорожку. Не дождавшись систематических безобразий, Сашенька принялся за поиски тайных пороков. Искал сигареты, запах спиртного, звонил родителям Бека и Найденыша. Это была масштабная воспитательная кампания. Только источники темных сил, желающих завла-

деть душой подростка, отец искал не там. Между тем его собственными душой и телом тоже возжелали овладеть силы, которые надолго вывели из равновесия борца за чистоту нравов.

Однажды к отцу пришла дама, которая разительно отличалась от прочих претенденток. Ей явно не хватало уверенности в себе и были тесны туфли. Видимо, к этой уловке она прибегла, чтобы придать пикантности походке, ведь пикантность в данном случае прямо пропорциональна неудобству обуви. Правда, в остальном дама никак себя не приукрасила. У нее были тонкие растрепанные волосы, стянутые сзади детской резинкой с деревянными вишенками. Клетчатая юбка, громоздкий свитер с элементами ажурной вязки и спортивная сумка через плечо. Ее отличала удивительная дисгармония деталей. Шериф даже не вышел ей навстречу. Посолондней, он стал очень избирательным.

«Типичная девушка от тридцати до шестидесяти», – подумал Каспар и решил, что дама пришла по делу. Правда, девушке катастрофически не хватало величественности и неприступности, коими должны обладать власти предержащие. Но ведь и на старуху бывает проруха! Деловой визит длился недолго и на сей раз без гостинцев. «Такая невзрачная, еще и не принесла с собой ничего», – поймал себя на неблагоприятной мысли Каспар, зайдя на кухню в поисках новых лакомств. Скоро он устыдился своих мелочных мотивов и упрощенного подхода к отношениям мужчин и женщин. Кулема пришла с сенсацией – она ждала от Сашеньки ребенка. Наступили очень трудные времена.

Отец и не подозревал, что за мужское обаяние придется расплачиваться так дорого. Ему казалось, что жизнь должна его как-то вознаградить за перенесенное горе. Ему было легко презирать узы брака, пока они оберегали его, как уютный кокон. Оказывается, Аврора не просто сама спасалась от злого бога, она еще и спасала глупого Сашу от злых женщин. От ужаса отца скрутил желудочный приступ. Была срочно вызвана Айгуль, которая выдержала сокрушительную истерику.

– Это не я! Я не делал ей ребенка. Я с ней и десяти слов не сказал! – причитал Сашенька, прижав к животу грелку и порываясь вскочить с дивана в болезненном возбуждении.

– Лежи уж, – толкала его, как неваляшку, невозмутимая Айгуль. – Для того чтобы сделать ребенка, десяти слов вполне достаточно.

Каспар ошеломленно гадал, что это за десять слов, которых достаточно для магического действия. Аврора внушила ему, что рождение детеныша, будь то человеческий младенец, щенок, тигренок, олененок, – самое лучшее чудо на планете. Каспар давно ознакомился с дворовой версией появления детей и наслушался чужих интимных впечатлений, но продолжал верить во вмешательство высших сил. И тут вдруг высшие силы выкинули такой фортель!

– А теперь рассказывай мне все подробно. Говоришь, она работает в бухгалтерии. Допустим, ты ее... где-то в подсобке, а адрес твой она узнала в отделе кадров. За это кадровичкам надо всыпать! – рассуждала вслух Айгуль.

Сашеньку подбрасывало от возмущения, но тетку этим было не пронять. Она заранее считала мужчин виноватыми.

Конечно, Каспара старались изолировать от любых обсуждений темы, но разве такое шило утаишь в мешке. Он активно подслушивал, но ясности это не прибавило. Отец никак не хотел ответить на роковой вопрос: «Ты был с ней?». Он считал его оскорбительным, неуместным и жестоким. Айгуль совмещала роли злого и утонченно злого следователя. Она то осыпала отца гневными упреками, то пила жидкий чай с мечтательностью застенчивого людоеда и вздыхала:

– В конце концов, у тебя есть полюбовный выход – жениться! Или предложить содержание на восемнадцать лет вперед. Это не так уж и страшно. Подумай сам, кого ты боишься – младенца, плоть от плоти. Может, он еще скрасит твою старость...

– Что ты несешь?! Как тебе не стыдно... – Сашенька переходил на обреченную ноту. – Ты знаешь, что я любил Рору. А она меня – нет. И я терпел. Я делал все, что мог. Как ты можешь предполагать, что какая-то больная сорокапятка может от меня забеременеть...

Сорокапятки – это совсем не то же самое, что задроченные разведенки. Это производная от магического сорокапятилетнего возраста, сулящего женщине любовную вспышку. Но 33 и 1/3 оборота нравились отцу больше (ассоциативный ряд – от канувшей в Лету подпольной звукозаписи), и потому он не мог причислить к этой достойной категории ту, что так его испугала. У страха глаза велики. И он переборщил. Даже Каспару было очевидно, что «роковая женщина» гораздо моложе. Настолько моложе, что уж, если на то пошло, вовсе не от тридцати до шестидесяти. Настолько моложе, что, похоже, попадала в Каспарову группу молоденьких. Сашенька же инстинктивно отказал шантажистке в фертильности. Это слово Каспар подслушал у Айгуль и козырял им потом среди дружков. Загадочное вельветово-фетровое звучание слова затмевало его смысл. Примерно такое же чувство возникает, когда выучишь стих на красивом непонятном языке, а только потом вникнешь в содержание. Оно может обескуражить, и тогда хочется вернуться обратно в неведение, оправдавшись погрешностями перевода. Так зреет призвание: тебе объясняют, что врач делает промывание желудка старушкам и разрезает мертвых, а ты веришь в неизреченную тайну предназначения.

Итак, отчаяние длилось сутки, после чего Айгуль решила принять удар на себя. Посмотреть в глаза чудовища в клетчатой юбке. Тем более что оно не замедлило появиться вновь. От волнения тетка представилась сестрой отца.

– Очень приятно. Ира, – ответила барышня с оттенком высокомерия, неожиданным в ее положении.

Напряженность встречи нарастала с каждой минутой. Старшие даже дверь забыли закрыть от детских ушей. Айгуль попыталась взять быка за рога, подняв вопрос о подлинности Сашенькиного отцовства. На что Ира, заикаясь от сознания нелегкой миссии, ответила:

– Я не из тех женщин, которых запоминают. Тем более такие мужчины, как Александр Юрьевич. Я не претендую на его внимание. Я просто хочу сообщить, что его будущий ребенок в опасности.

Айгуль заметно встревожилась, и с той минуты Каспар получил великолепную возможность наблюдать, как непоколебимая тетка постепенно переходила во вражеский лагерь. А что ей оставалось делать? Ира поведала печальную историю о том, что она живет с отцом и мачехой, которая мечтает упечь ее в психушку и лишит всяких прав на жилье. Отец под каблуком, дочь под колпаком... А ежели та еще и в подоле принесет, то малютку убьют в зародыше или сдадут в казенный дом. И к кому идти одинокой Ире, как не к заступнику Александру, да пребудет он в добром здравии?! По крайней мере, долг будущей матери сообщить ему о зловещем замысле против его кровиночки, ведь так?!

Айгуль растерянно переглядывалась с Сашенькой. Тот чесал бороду и старательно отворачивался к окну.

– Почему ты мне этого не сказал?! – Гуля пыталась вернуть его в остросюжетную реальность, но Ира отважно бросилась на амбразуру:

– Александр Юрьевич не знал. Я не стала ему говорить вчера. У него и так желудок разболелся. Простите меня за все.

Есть апофеоз немой сцены. Здесь же произошла сцена рыдающая. У каждого из присутствующих были свои причины пролить слезу, но за всех отдувалась падчерица. Каспар внутренне был готов отдать ей половину своей комнаты. Оставалось только догадываться, чем хотели поделиться остальные. Впрочем, тетка не заставила себя долго ждать. Она предложила собравшимся томатный сок, поставив на стол трехлитровую банку. И изложила гениальный план спасения:

– Ира, успокойтесь. О ребенке пока мачехе не рассказывайте. У меня есть знакомые в общежитии хлебозавода. Если понадобится, я вас туда устрою. К сожалению, Саша вас у себя поселить не сможет. У него тоже ребенок. Вы, наверное, знаете, что в семье случилась трагедия...

Тетка покосилась на отца. Тот промолчал. Каспар чувствовал, что вот-вот грянет буря. Даже матушка боялась Сашенькиного гнева, хотя и верховодила в доме. Но норы были прибережены для узкого, родственного круга, куда никакие Иры при всем своем бедственном положении войти не могли. Именно в тот момент Каспара впервые осенило немудреное открытие: нельзя просить о помощи, если в просьбе есть малейший намек на долженствование. Каждый человек внутренне или внешне сопротивляется логике морали. От Сашеньки потребовали ответственности за опрометчиво сотворенное. И он готов был спастись бегством, но вмешалась Айгуль. Сашенька оказался в ловушке, чего и не простил.

Он в тот вечер бежал к Марику, «страдающей раной», как Карл XII. Каспар и сам хотел бежать – отец так раскричался! И ему нельзя было отказать в правоте. Через несколько дней отважная Айгуль встретила со «зловредной мачехой». Ведь тетку хлебом не корми – дай устроить чужую жизнь. Мачеха оказалась... во-первых, родной матерью Иры-плаксы. Во-вторых, старой клиенткой Авроры, глубоко скорбящей о ней и все такое. В-третьих, истиной страдальцей. Готические фантазии дочери едва не довели мать до инфаркта. Но уж такая она, Ирэночка, воображает бог знает что. Беременность?! Оставьте, она еще девица! Соблазнить мужа драгоценной Авроры?! Ох, Господь накажет за такой чудовищный наговор! Да и еще и ворваться в дом честных людей, травмировать неокрепшую душу подростка... А уж на фоне таких грехов обозвать мать мачехой – сущая безделица. Ну нет, теперь уж негодница точно ляжет в больницу!

Тетка с ужасом оборачивалась на свою торную тропу, вымошенную благими намерениями, и по спине сползала струйка прохладного пота. Ей страшно хотелось почесать между лопатками, но она не смела прервать серьезный разговор. Как же так! Она же хотела как лучше...

– Только, прошу вас, не заставляйте дочь убивать ребенка. Пусть она сама решит. Мы ведь согласны помочь! – напирала Айгуль.

Каспар очень хорошо представлял себе, как тетка отчаянно борется с нелепостью положения. Ее уверяют, что ураган прошел стороной, а она рвется за ним вдогонку. Для самооправдания она убедила себя, что «мать-и-мачеха» вела себя подозрительно. Эта победительная нотка в намерении упечь родное дитя в дурдом... эта фальшивая бирюза... и, наконец, весьма отдаленное сходство с дочерью. Манера называть Иру Ирэнкой и уверенность в ее девственности Айгуль не насторожили. Каспара, напротив, заинтриговали. Но их разговор, в котором всплыли эти и прочие детали, случился намного позже. Когда утекли многие лета... Тогда Айгуль созналась в том, что тайно ссудила мистифицирующей Ире полтыщи. Сунула при встрече на улице. Огромные деньги в ту пору! Тетка надеялась, что, во-первых, это ее долг перед умершей сестрой. Во-вторых, что Сашенька ей компенсирует расходы. Прогадала.

– Сама виновата, что попалась. Будет тебе урок, как всяким проходимцам верить. Отдала последние сбережения?! – Отец ележно торжествовал. – Гуля, милая, тебе зачтется на том свете.

На самом деле под бравадой скрывалось отчаяние. Сашенька был шокирован потерей такой суммы. Он, конечно, врачевал свою оскорбленную коммерческую жилку разумным фатализмом. Мол, то, чему суждено потеряться, все равно потеряется. Деньги как цветы, им нужен хороший садовник, с неумелым они вянут. Отец был уверен, что семейство несчастной Иры – не просто изворотливые садовники. Они виртуозы. Умудрились надуть его не мытьем, так катаньем!

– Нет, не думай, что я держу на Шурика обиду! – шумно выдувала дым Айгуль, умудренная и смиренная. – Он действительно преподавал мне урок. Но, поверь, не такой уж он бесчувственный сухарь, каким хочет себя изобразить. Он сам поверил этому чуду-юду. Недаром его язва тогда скрутила, ты же помнишь...

Язва... Папенька при желании и чуму себе устроит на нервной почве! Аврора считала своего красивого мужа большим притворщиком. Эти взгляды Каспар унаследовал, полагая их отчасти заслуженными. Однако нельзя было не признать, что папины кульбиты – честное притворство по-станиславски. Отец так выкладывался, что мистификация аукалась ему на полную катушку. В общем, история с порочным зачатием надолго осталась недосказанной для Каспара. Дабы внести ясность, он попытался быть жестоким и наговорил отцу гадостей. Чтобы защитить честь матери: мол, сорока дней не прошло, а ты уже пошел вразнос... На самом деле дни значения не имели. Каспар случайно выкрикнул это число, которое ему почему-то всегда не нравилось, – и удивлялся потом, что попал в сердцевину неведомого для него смысла. Сашеньку это потрясло. Он – мерзавец и предатель в глазах сына. Но, кроме того, Каспар еще насулил в ложку дегтя несколько капель яда:

– Хоть эту мымру не бросай. Вдруг я тоже подохну. Так хоть продолжишь свой окаянный род. – Подростковая высокопарность питалась свежепрочитанными легендами Круглого стола. – Иначе кто еще захочет от тебя родить!

Некоторые слова не стоит говорить, потому что у них нет срока давности. Саша не держал зла на отпрыска, хотя был сильно обижен. Он только взял с тех пор несносную манеру ссылаться на демографический миф:

– Тебе нужен магнитофон? Но ты ведь знаешь, Кас, что ты у меня не единственное чадо. А что, если все *остальные* попросят по магнитофону? Я не потяну.

Глава 3

Прощание с ламой

Из назиданий Сашеньки свояченице Айгуль: «Душа моя, всегда легко объяснить, почему с ним не стоило связываться, и невозможно объяснить, почему ты все-таки с ним связалась».

Шестнадцатилетие Каспар встретил в новой школе. Они с отцом переехали. Сашенька говорил, что все из-за Лейлы Робертовны, из-за того, что она поет громкие серенады под окном... Не успели вздохнуть от покорной мечтательницы Иры, так нагрянула еще одна соискательница. Симпатичная особа. Щедрая и выносливая. Полнокровие индийских одноразовых актрис в сочетании с невротичной интеллигентностью севера. Неустойчивость этого соединения она скрепляла крепким градусом. И ведь знала меру! Только иногда ее зашкаливало, и в эти моменты она пела. Пилила вены продольными разрезами. Пыталась приготовить бухарский плов в полотняных мешочках. Да мало ли что еще может прийти в голову женщине с фантазией!

Она холила Шерифа, читала ему своего любимого Низами, полагая, что собаки и лошади наделены эстетическим чутьем. Пес отвечал ей симпатией. Лейла не делала никаких матримониальных поползновений. Она делала набегі дня на три, причем отнюдь не каждый раз устраивая фейерверк и содом. Это могли быть чопорные прогулки с лекцией о Данте для всех членов семьи. Уроки игры на шестиструнке для Каспара. Или громкие разговоры о работе с отцом при закрытых дверях. Лейла ведь появилась из недр «темных дел». Когда Айгуль позволила себе упрекнуть Сашеньку в связях с неблагополучными женщинами, тот только ухмыльнулся:

– Это мы с тобой неблагополучные. А Лейла Робертовна – лучший юрист в городе.

Но Сашенька предпочел хлопотно сбежать от лучшего юриста. Не хотел обижать отставкой хорошую женщину. И полезную к тому же. На самом деле причина, конечно, была в махинациях, как называла это Айгуль. Отцу надо было для каких-то бумаг оказаться проживающим в другом районе. Но Каспар тогда не желал вникать в причину перемен. Сама идея переезда казалась ему бессмысленной и дикой. Тем более, когда Сашенька так неумело врал. Ну от кого можно спрятаться в маленьком городе?! И как нелепо, что переезд случился теперь, когда нет мамы, которая всегда была готова к смене ландшафта за окном, но так и не дождалась новой квартиры. Особенно удручал переход в другую школу. Но Сашеньку было не переупрямить:

это была новая школа, и... конечно, лучшая в городе. Как будто в последнем классе необходимо было надышаться свежими веяниями в образовании! Бекетов и Найденов советовали решительно протестовать побегами из дома. Потому что родитель непременно должен был испугаться и одуматься. Но вместо побегов Каспар «одумывался» сам. Его вдруг начали терзать мысли о роли брака и отношений полов в истории человечества.

Если бы отец не остался один после смерти матери, мир для Каспара так и сохранился бы первородно гармоничным. Если бы не появилась странная Ира с будущим младенцем в клюве, как пародия на счастливого аиста, Каспар никогда не нанес бы Сашеньке душевную рану. А Лейла Робертовна и вовсе лишила родного крова! Пусть не в ней причина – но с нее все началось... Насколько же человек зависим от того, кто с ним рядом! Погода, политика, индекс Доу Джонса не идут ни в какое сравнение с дурным настроением подруги. А уж всякого рода форс-мажоры с ее стороны и вовсе могут перевернуть тебе всю жизнь. При этом отсутствие у индивида фертильного возраста такого мощного источника проблем само по себе тоже является проблемой, – об этом Каспар не раз слышал в разговорах матушкиных «прихожанок». Пора было спасать род людской, пока он окончательно не погублен семейными катаклизмами.

Каспар не мог забыть и о своих личных обязательствах перед матерью. Она хотела для него идеального брака. Одного, на всю жизнь. Но Каспар чувствовал, что одному ему не под

силу выполнить столь грандиозную задачу. Даже благополучный Марик женат второй раз. И то, по давней оценке Авроры, это далеко не идеальный брак, потому что держится на безоговорочной покорности жены. А это не наш метод! Наш метод – счастливый союз свободных и сильных людей. Причем один из этих людей – ценный интеллектуальный работник, мудрая мать и отменная домохозяйка. Каспар понимал, что требования к женской половине неосуществимы, – даже в отрочестве он не был идеалистом, ведь под боком вещал Сашенька. А что говорить про второго свободного человека, – к мужскому индивиду требования Авроры были еще жестче... Нет, одной паре не потянуть поставленных задач. Необходимо распылить мечту на многих – пусть все попробуют. Надо только провести среди них разъяснительную работу. Предостеречь от ошибок. Предложить гибкий путь, минуя общественные стереотипы. И пусть каждый попробует на свой лад.

Отсутствие теоретической базы и системного подхода, столь почитаемого Сашенькой, не пугало. Кого это пугает в шестнадцать лет! Сила дерзновенного мотива – вот лучший двигатель! Ведь Каспар убивал сразу двух зайцев: отрабатывал родительскую программу, как скажи бы не чуждые психологии, и выбирал дело жизни.

Об избранной миссии Каспар немедленно доложил родителю. Сын по-прежнему чувствовал себя перед ним виноватым. Сформулировал свое кредо он весьма туманно и не слишком надеялся на одобрение. Суeta переезда и какие-то неведомые служебные перемены так донимали в последнее время Сашеньку, что тот, приходя домой, немедленно засыпал перед телевизором.

– Ты решил стать сводником? Странное занятие для мужчины. Хотя... может, в этом как раз изюминка. Но запомни: мужчины больше доверяют женщинам. А женщины – тоже женщинам.

После этого излюбленного тезиса Сашенька задремал, а Каспар ушел в грезы. Он не был уверен, что хочет быть сводником. Скорее теоретиком сводничества. Человек беззащитен против стихии семейного насилия. Общественная мораль в лучшем случае жалеет одиночек.

Чаще не одобряет. Нужен компромисс. И гуманные стереотипы. Каспар достал свежую тетрадь в девяносто шесть листов и с неумолимым нажимом на клеенчатую обложку нацарапал заголовок: «Инстинкт и необходимость». Потом первое предложение: «Семья умерла». Он был горд собой. В шестнадцать лет он начал писать свой первый научный труд.

Лучшая школа встретила гадостью. Каспар поступил в класс, где учился сынок директрисы. У него был резкий, свистящий голос и заносчивая физиономия. Надменный и плоский субъект... Каспар случайно услышал его болтовню в пустом коридоре после уроков. Это был приятный октябрьский день, который на медленном огне подогревало ослабевшее солнце. Желто-красный колорит, перспектива похода к Руслану, обещавшему дать покататься на новом мотоцикле. Точнее, прокатить, но потом-то можно было напроситься на большее! И вот предвкушающий Каспар подходит к раздевалке, облачается в куртку и улавливает чей-то разговор. Краем глаза он видит спину неприятного персонажа и даже не думает проявлять к мизансцене интерес. Обсуждают, кстати, кого можно позвать на день рождения. Не важно чей! Каспару в голову не пришло, что речь может пойти о нем, ведь он новенький, хоть и неплохо поладил с местным народом. Но резанул один вопросительный фрагмент:

– А... этот... сын парикмахерши и уголовника? Ты о нем, что ли?

Каспару в тот момент совсем не хотелось вникать в обидное и реагировать на него благородным негодованием. Ему было лень. Тем более в приближении к радужным перспективам. Сама туманная необходимость агрессивных действий в сторону хоть и неприятного, но мало знакомого субъекта казалась надуманной. Однако в итоге именно испорченное удовольствие предвкушения подтолкнуло Каспара к молниеносным действиям. Он еще не вполне осознал смысл сказанного, когда его кулак неловко смазал обидчика по уху. Каспар никогда не был

умелым драчуном. Однако аффект дилетанта особо опасен для противника – и дилетантам это должно поднимать боевой дух.

После возмездия осталось ощущение неприятной твердости сокрушенного габитуса и нелепости победы. И, конечно, послевкусие разбирательств со школьным начальством. Директриса деликатно ушла в тень, вместо нее орудовали ретивые завучи... Надо заметить, что оскорбленная мать отличалась особенной неукротимой вредностью. Ходила она по школе стремительно, сильно наклонив корпус вперед, – будто «большая нужда» застала ее врасплох. Это порождало немало непристойностей с разной степенью тяжести. Теперь же боярыня держала угрожающе прямую осанку, словно живой упрек зубоскалам.

Зато после аутодафе Каспара неожиданно поддержал Марик. А Сашенька не то чтобы осуждал сына. Но запоздало моделировал пути мирного сглаживания недоразумения. Дипломатия завела его на скользкий путь соглашательства:

– ...В конце концов, я действительно уголовник! А Рора – парикмахер. Парень не погрешил против истины, – рассуждал отец, обдавая Марика ненавистным для него кубинским дымом «Лигерос».

– Вступить за мать – святое дело. Не смей его наказывать! – негодовал друг. – Тот, кто оскорбил твоих родителей, должен получить от тебя по заслугам. Каспар умница.

– Я знаю, – вздыхал Сашенька. – Но не забывай, что здесь не аул. И вообще... Ребенок стал совершать неожиданные для меня поступки. А я бы предпочел спокойную старость.

– Тогда приобщай мальчика к делу. Нам нужны рабочие руки. А еще нужнее смышленные головы. Кем он надумал стать, говоришь? Сводником? Пусть учится, потом мы с ним устроим бюро знакомств. Твой сын тебе в старости еще золотой горшок подарит.

– Не смешно. Он не сумеет зарабатывать. Не жадный совсем. Это у него от Роры. Она считала, что достаток – это нечто вроде повышенного содержания сахара в крови. Нездоровое явление! Куда с таким воспитанием... Да и где это учат на сводников, скажи мне...

– Эх, Шурик, главное, чтобы мальчик нашел свой источник Зам-зам. А воспитание – так оно у всех здесь такое. Не больше одной горбушки в одни руки...

Источник Зам-зам интриговал Каспара, пока он не познакомился с мифологическим словарем.

Новая школа более ничем примечательным не запомнилась. Осталась едва надкусанной органами восприятия. Из одноклассниц так ни одна и не понравилась. Слишком уж они слились для новенького в единую массу девочек-из-хороших-семей. Ни одной белой вороны. Да и по-настоящему черной тоже. Каспар ждал, что ситуация вот-вот изменится в сторону чего-то сокрушительно приятного, тем более что в целом класс благоволил к новичку, замахнувшись на отпрыска – священную корову. Хотя новичок так остался инородным телом в ткани сложившегося коллектива.

На выпускном Каспар с наслаждением сбежал к своим старым нержавеющей одноклассникам. Был два раза приглашен на белый танец, но ему больше нравилось наблюдать за танцующими. За тем, как завязываются узелки притяжений и прорываются плотины симпатий. Или как учительница черчения обреченно зевает и почесывает пятку. Рано потерявший мать, он, конечно, мечтал об этой спелой особе. Со значком в виде малюсенького колокольчика, который она нацепила на свою респектабельную грудь. Зачем она надела напоследок обтягивающую торс водолазку? Для физрука? Но он ей совсем не подходит, он из другого материала. Физрук – бутерброд с салом, а она крем-брюле. Люди совершенно не учитывают свои «вкусы»...

Ей подошел бы застенчивый автомеханик с пятого этажа (большая кружка горького кофе), у которого Сашенька занял на время болгарку. Но как ей это скажешь...

Зато Каспар неожиданно для себя стал поводом к другому роману. Ближе к утру отправились гулять к морю. От общего гурта постепенно отпочковывались парочки и просто отдельные компании. Бекетов был полон предвкушения побега в Голландию. Он отправлялся в загранича-

башку халтурить на стройках. Но был горд не меньше царя Петра, собираясь поколебать игрушечный нидерландский дух непоколебимым великорусским. Вообще, цели его были туманны. Найденов, напротив, грустил. Ему нравилась девочка из параллельного класса, к которой он так и не сумел подбить клинья за весь год. Смотрел издалека. А теперь она хихикала в обществе давнишних выпускников, которые давно «студенты», как выражался физрук, но понаехали «на свежачок». Каспар знал о найденовских терзаниях, но не воспринимал их всерьез. Ведь еще недавно Денис был вдохновлен догадкой о том, что он тулку – реинкарнация малоизвестного духовного лидера. Ламы вроде как.

– Втулка ты, а не тулку, – радовался Бек, тоже наделенный мечтательностью, но куда более применимой к практической жизни.

Жаль было Найденыша. Хотелось его растормошить, тем более что какой смысл в чужой хандре на празднике! И Каспар принялся украдкой следить за той, что внесла смятение в мужскую компанию. Естественно, «деды» с нее вскоре переключились на других, им не резон скромничать в таком «курытнике». Девочка-то была так себе, ничего особенного внешне, просто фамилия у нее интригующая – Секстэ. Круглое лицо, модная короткая стрижка – все банально, только шея длинная, необычная. Благодаря шее Секстэ напоминала инопланетянку.

Вскоре эта Секстэ оказалась одинока и растерянна. Подруги все распределились по кавалерам, а она, бедняжка, сделала ставку не на тех жеребцов. На бесконечной песчаной береговой линии импрессионистически выделялось ее пурпурное платье с воланами. Восход на море, барышня в печали – что может быть удобнее для флирта! Сначала Найденыша уговаривали подойти к ней и завязать разговор. Но это застенчивое чучело отказывалось наотрез. Тогда Каспар решил: была не была, он будет импровизировать. Строго наказал дружку далеко не уходить и направился напрямиком к цели.

Она уже была готова утопиться от печали – женщины всегда делают поспешные выводы. Скорее всего, сутки накануне начесывалась и наряжалась, а теперь решила, что все без толку. На шее у нее поблескивала цепочка с подковкой. Счастья, значит, хочет Секстэ. В ушах маленькие рубины, прическа растрепалась от морского ветра, стоит босая, туфли поодаль валяются. На приглашение в компанию помотала головой. Непоколебимая, значит. Каспар ее обхаживал минут сорок, но Секстэ продолжала лелеять суицидальный замысел. Она об этом не говорила, но вся ее фигура выражала готическую меланхолию. А Каспар от Сашеньки знал, что девушки, оставленные без мужского внимания, – это потенциальные преступницы. Самоубийственные мысли отец тоже относил к разряду противоправных действий...

Переломили ситуацию вовсе не расспросы о том, кто, как и почему обидел, и не анекдоты, и даже не показательная пантомима под названием «Конфуз директрисы» на бревенчатом полусгнившем волнорезе. Море в роли божьего промысла вмешалось. Каспар вовремя заметил, что прибой постепенно подбирался к девичьим «лодочкам». С удвоенной энергией юный сводник принялся отвлекать Секстэ, которая уже было начала оттаивать и проявлять признаки интереса к грешной земной жизни. Между тем море слизнуло каблучки и они поплыли, поплыли...

Когда хозяйка хватилась, их и след простыл. Каспар знал, как использует потерю и панику. Он заметил, что модную обувь отнесло волнами к дальнему молу, изобразил внимательные поиски и... пообещал привести подмогу. Явились пацаны, заинтригованные и тихие. Каспар незаметно указал Найденышу направление поиска и дал знак Беку медленно отползать. Они уселись поодаль, делая вид, что их совершенно не интересует продолжение интриги. Но не сидеть же им вечно на песке, пока друг танцует брачный танец!

Найденов потом женился на Секстэ. Он «нашел» туфли и стал героем романа. Этот роман и его семейные последствия превратили Дениску в нервного яппи. А лама в яппи не живет, потому тема переселения святой души сама собой быстро прикрылась.

Он всего раз поблагодарил Каспара за тот маневр у моря. Не то чтобы Каспар ждал похвал и расшаркиваний, но все же это была его первая удача на профессиональной ниве. Не таким уж комом первый блин, даже не очень уютное семейное гнездо – не перепихон на курорте...

Впрочем, потом он понял, что успех в тонком любовном деле измеряется не годами. Если бы не вздорная и деспотичная Секстэ в пурпурных воланах, возможно, Найденыш нашел бы лучшую участь, сохранив юношескую неукротимость духа. Но тогда Каспарова оплошность – уже из сферы магической практики... А нераскрытый лама приписал роковое знакомство собственному обаянию, как однажды Каспар мысленно «присвоил» себе грезы об актрисе-снегурочке.

Квиты.

Глава 4

Первый блин

Из Сашенькиных аксиом: «Тот, кто доводит тебя до оргазма, доведет и до ручки».

– У вас есть опыт магического взаимодействия? – спросила медлительная секретарша в пушистых тапочках.

– Есть, – ответил Каспар с бодростью коммивояжера, оглядывая затемненную обстановку салона «У волшебницы».

Шкуры, олени рога, медные кубки, четки, шторы с астрологическими каракулями – все пыльное. Как будто с антикварной помойки или наследство неразборчивого любителя декораций. Благовония чадят. Атмосфера усыпляющая, вязкая. Идти уже никуда не хочется. Метаться за хлебом насущным – тем более. Здесь платят деньги за освобождение от бремени здравого смысла. В начале 1990-х годов за это платили очень немногие. Если вообще такие были – но предложение не дремало и рождало самый непредсказуемый спрос...

– Сейчас проверим, – улыбнулась секретарша и потрогала сережку в ухе.

Этот жест обычно означает симпатию к собеседнику и лишь в некоторых случаях защитный отвлекающий маневр. Каспар не стал раздумывать о тайнах предпочтений этой милой неповоротливой особы, которая с приятным эротичным шелестом перебирала бумаги на столе. Он чувствовал, что организм вот-вот размякнет от томной энергетики бутафорских чудес, и быстро перешел к делу:

– Я к Марине Михайловне от Марка Найша.

– А... да, сейчас, – разочарованно отозвалась мастерица магических взаимодействий и, не приходя в реальность, удалилась в дальнюю комнату.

Через пару минут туда был приглашен Каспар. Знакомая Марика Марина Михайловна, в отличие от своей ассистентки, был художавая, энергична и опасна. Конечно, вся в черном, как уважающая себя волшебница смутных времен. Предложила вкусный кофе с корицей, говорила жестко. Протекция Марика, видно, имела подводные камешки.

– Мы для тебя освободим комнату у туалета. Будем посылать к тебе наших клиентов. Трудных клиентов. Твоя задача – продать им «Полный курс». Так называются наши услуги в комплексе. На мелочовке заработать трудно, а вот «Полный курс» – это прилично. Ты будешь получать пять процентов с человека.

Людей Марина Михайловна называла «человечками», к этому Каспар привык быстро.

– Дело в том, что у меня немного другой профиль... – начал было объясняться Каспар.

– Вот и применишь свой профиль на практике, – оборвала его Марина.

Аврора любила вспоминать, как, будучи беременной, сказала, глядя на свой живот:

– Ну, хватит уже, деточка, пора выходить на свет божий.

И в тот же день родился Каспар. Теперь он пытался дать себе подобную директиву: «Ну, хватит, деточка, пора уже зарабатывать». С деньгами этот фокус долго не выходил, и Каспар немного нервничал. Он ведь никогда не чувствовал, что у него вся жизнь впереди. Не втиснулся в роль молодого и беззаботного. Напротив, судьба казалась биатлоном: стреляй быстро и точно и снова беги. На прицел времени нет, передышка вместо сна. Умереть можно совсем неожиданно, и останется от тебя только могила. Но пусть могила останется такая, чтобы «человечки» находили у нее утешение.

Хоть цель и тщеславна, зато она есть. Тем более что сам Каспар на маминой могиле заряжался решимостью и терпением. Он даже стыдился этого, подозревая, что есть в его привычке неуместный прагматизм. Не земное приводило его к вечному, а вечное к земному. Но так уж сложилось. Аврора хранила его всегда, и решения, принятые вместе с ней, незримой, были

единственно верными. Будь она жива, она стала бы спорить, влиять и беспокоиться. Утратив телесную оболочку, она обрела величественное и мудрое совершенство. В сущности, оно было присуще и Авроре зримой, но бремя повседневности не давало фундаментальной натуре раскрыться во всей полноте. Да и все, что касалось Каспара, приводило его матушку в крайнее волнение...

Находишься она по эту сторону Стикса, разве суждено ей было бы пережить такие проделки чада, как внезапный уход в армию... Даже Сашенька сильно подорвал здоровье, хотя и декларировал полную самостоятельность решений после восемнадцати. Просто он не ожидал, что сын устроит саботаж – не поступит в указанный родителем институт и отправится на свою погибель куда-то на противоположный край державы.

Оттуда Каспар вернулся без селезенки, зато с укрепившейся платформой. Он несколько раз порывался уничтожить в зародыше свой великий труд «Инстинкт и необходимость», потому что хотелось писать совсем про другое. Про такое, чтобы наизнанку выворачивало. Но постепенно это «другое» приводило мышление в суровую и четкую систему, и оказалось, что оно хороший помощник в деле закрепления любого жизненного материала. Или причина в том, что, потеряв Аврору, Каспар получил стойкую неприязнь ко всему трагическому.

Осталось только как-нибудь располагающе себя назвать. Обозначить свою специальность. Каспар колебался: он – доктор души или тела? Одно было ясно: теперь уже точно не фауны! У нее куда меньше проблем, чем у прямоходящих, выдумавших паспорт, контрацепцию и Страсбургский суд. Так что о ветеринарии давно не мечталось. Иными словами, Каспар догадывался о тех тайных взаимосвязях, о которых слышать не хотела участковая терапевтша Софья Абрамовна. Каспар, которого она знала с пеленок, еще школьником втягивал ее в мозговой штурм, а она в ответ прописывала ему электросон и советовала папе последить за неугодным.

Словом, муки рождения кредо и привели к строгой Марине Михайловне, что в сокращенном варианте превратилась в Му-Му.

Сашенька после долгих раздумий перестал толкать сына на стезю точных наук. И благодаря тому, что он продолжал жаловаться Марику на непредсказуемость отпрыска, достигшую масштабов, угрожающих жизни, вышла неплохая комбинация. Марк Найш, для близких Марик, видимо, чувствовал себя в долгу перед Сашенькой и взялся устраивать его отпрыска в теплые местечки. Теплые местечки в данном случае означали – это не там, где тепло, а где примут без особых проблем. Например, в загадочный Институт этики и права. Там можно учиться за деньги, а можно показать себя молодцом и поступить на бесплатное отделение. Особенно на факультет этики и социологии. Он совершенно не пользуется популярностью!

Хорошенькое дело – факультет ненужных вещей! Но зато в столице. К тому же добрым напутствием в сомнительное заведение Марик не ограничился и дал телефончик Му-Му, которая должна была помочь с работой.

– Она примерно в том же духе, что и ты. Тоже все про какие-то феромоны Монферрана рассуждает, про инь, ян, совместимость, то-сё... – поглаживая бакенбарды, иронизировал господин Найш. – Она, может, не сразу, но поможет тебе.

– А при чем тут Монферран? – удивился Каспар.

– Да ни при чем. Просто в голову пришло. Сочетание раскатистое.

Когда Марик удалился, Каспар спросил отца:

– Скажи, а он еврей?

– И еврей, и татарин. Пополам.

– И эти составляющие в нем борются друг с другом?

– Зачем борются? Дружат. Можно сказать, плодотворно сотрудничают. Гомогенный коктейль, – усмехнулся Сашенька.

Каспар полночи размышлял над сказанным и, наконец, начал новую главу своей бесценной монографии. Она называлась «О внутренней совместимости составляющих». Тема слишком увлекла Каспара и запутала в логическом клубке: он так и прибыл в Москву с неоконченной главой под мышкой и терпкой надеждой на славу. Конечно, немного завидовал Отто Вейнингеру, чью книгу ему подарил Бекетов на прощание. Юный Отто так метко просек, что нет стопроцентных инь и янь, что невдомек ни Марику, ни Марине Михайловне. Этой вообще начхать на струны души человеческой! Каждый из людей гермафродит с преимущественным счетом в пользу одного из полов, а некоторые вообще пятьдесят на пятьдесят... Однако Каспар решил придать этой стройной теории соблазнительно пышные формы. Потому что любое это, в сущности, не единица, а множество. Не три четверти мужчины и четверть женщины, а целая группа господ, по желанию и надобности легко меняющих пол. Представители этой беспокойной группировки объединены властью суперэго (та самая «необходимость») и ид (те самые «инстинкты»). В этой части концепции Каспар с легкостью опирался на австрийского основоположника. Это придавало смелости, – все ж таки традиции... Но первому клиенту, которого психотренер-дилетант торжественно принял в своей резиденции у туалета, не понадобились ни традиции, ни новаторство. Он вообще про другое.

К встрече Каспар готовился. Учеба на странном факультете проходила незаметно, как привычный гул еще нестарого холодильника. Лекции посещались эпизодически. Главной целью была причудливая работа. Сознание того, что «я еще никто, а у меня свой кабинет». Унизительная близость клозета мастерски умалчалась самолюбием. Клиент не заставил себя долго ждать, – появился через три дня бдений Каспара в келье, которую он пытался оборудовать эклектически, под стать салонной пестроте, чтобы клиент не чувствовал диссонанса. Здесь были расставлены все имеющиеся у Каспара книги, а также учебники, выданные в институтской библиотеке. Отнюдь не многие были по теме, но Каспар решил, что книжные корешки должны не угнетать, а ассоциативно расслаблять всяк сюда входящих. Например, сказки Гауфа или Мэри Поппинс, вкрапленные в тома Брэма, Лоренца, Шарко и иже с ними, призваны были напомнить о безмятежном... И еще игрушечная парочка в болгарских народных костюмах, сувенир из наследства Авроры. Этническая тема всегда освежает интерьер...

И вот оформительское вдохновение мягко осадил секретарша Плюшева Юлия. Она привела Каспару первого пациента. Этот волнующий момент был несколько подпорчен суетой и смущением молодого «доктора», который изо всех сил пытался выглядеть старше и опытнее, чем он есть на самом деле. Но если искусственно состарить себя не проблема, то с имитацией опыта дело обстоит куда сложнее. К счастью, первый и бесценный, как пушкинский друг, клиент не выказал никакого внешнего недоверия. Он скорее не доверял самому себе. Отсылка к поэту была навеяна обликом гостя. Он напоминал Пушкина, если бы тот был рыж и служил в министерстве. Что-то неуловимо чиновничье отражалось в этом господине – субординационное дрожание подбородка, быть может...

Однако глаза не могли скрыть глубинного южного темперамента, заретушированного непреходящим смущением. Условились, что Клиент будет обращаться к своему несолидному психотерапевту иронически – «пан Ярошевский», а Каспар станет называть его столь же иронически Александром Сергеевичем или сокращенно «Классик». Такова была импровизированная тактика: для должного контакта сторон им лучше называть друг друга не официальными именами, а изобретенными прозвищами. Это способствует иллюзии домашней доверительности.

Итак, Классик увел чужую жену и теперь страдал, во-первых, муками совести, во-вторых, бредом преследования, в-третьих, явно хотел все вернуть, как было. Но пути назад были отрезаны. Его история была более или менее типична: бездомного Классика приютил в своей квартире женатый друг-однокурсник. Жена друга воспылала страстью к приживалу – «из жалости», как стыдливо комментировал «счастливый» соперник. Который, впрочем, не последовал

благотворному примеру Иосифа Прекрасного и вступил в порочную связь. В этом он честно сознался другу, как только тот почувствовал неладное... Адюльтерная история то вспыхивала, то затухала в течение семи лет. Конечно, Классика быстро изгнали из пристанища, как змею, пригретую на груди, но тот благодаря своей бережливой матушке сумел разжиться комнаткой на окраине...

Каспар пытался заострить повествование на имущественных подробностях, полагая, что они надежные маячки в сплетении затуманивающих разум страстей. Глядишь, и логика решения забрезжит... В имущественном плане Классик, конечно, выиграл, оттого и тушевался. Сначала его любовница переехала вместе с ребенком к нему в коммунальную тесноту. Покинутый муж вроде бы уже не страдал и даже стал налаживать свою интимную жизнь, но Классику казалось, что это лишь блески внешней бравады. А в душе обманутый жаждет мести. Ощущение усилилось, когда «роковая женщина» подбила и без того измученного приступами совестливости и страха Александра Сергеевича на рискованный маневр: договориться с ее бывшим о неравном обмене. Дальше и так все ясно: вновь образованной ячейке общества досталась квартира, а поверженный друг переселился в комнату. «Он же все равно один, а нас трое!» – с простодушным коварством мотивировала ченч жена. Однако ее бывший муж вроде даже не протестовал, и с его стороны, как неохотно признавал А.С., не исходило никаких угроз.

Но именно это и пугало! Классику грезилось зловещее затишье перед бурей. Словом, он был уверен, что скоро его отправят на тот свет. Ведь должно же быть какое-то возмездие за содеянное!

В отличие от него Каспар так не считал. Возмездие не всегда приходит по адресу. У него свои причудливые соображения об объекте, сроке давности и форме наказания.

Классик просил упреждающе спасти его от порчи и в подтверждение приводил ведьмовские наклонности собственной жены. Налицо спутанность логики. Каспар спросил напрямую:

– Вы боитесь супруги или ее бывшего мужа?

– Я никого не боюсь! – Классик брызнул остатками брутальной гордости.

Но, конечно, поддался терпеливым уговорам о том, что перед помощником в тонких делах не требуется размахивать пашкой. А надо сознаться в слабостях, открыться, вычерпать до доньшка свои кошмары, – только так излечивается больная душа. Разумеется, Классик боялся прежде всего своей «половины». Один раз она уже предала, а, как известно, единожды преступив черту, повадишься... На «Полный курс» Му-Му Классик замахал руками – дорого! Зато Каспар научил его смотреть вампирам в затылок и правдоподобно имитировать половые трудности, – основополагающим защитным действиям от нечистой силы. Он интуитивно полагал, что бессмысленно убеждать индивидуума в нелепости его страхов. Страх есть – и точка. Не важно, прикидывается ли его источник порчей, сдвигом земной коры, изменой любимых или смертью. И от лекаря требуется лишь самозабвенно увлечься игрой в страшное. Тогда пациент, почувствовавший значимость своих предрассудков, – а значит, себя самого, – поневоле излечится сам. А куда ему, сердешному, деваться!

В пылу игры Каспар познакомился со всем действующим треугольником драмы: женой, ее детьми от разных браков, поголовьем плешивых кошек и брошенным мужем господином Белозерским. Последний оказался самым приятным персонажем. Вопреки демонизации, этого чудика давно интересовали лишь малые этносы и нереализованные замыслы самого разного толка: от экспедиций в Туву до махинаций с недвижимостью. Чокнутый ученый, напугавший Классика тотемическими изысками, – неплохой анекдот начала Каспаровой карьеры... Этому ироничному типу так понравилась история о страхах Александра Сергеевича, что они с Каспаром подружились. Последнему за дружбу пришлось расплатиться нарушением врачебной тайны и этики, но для красного словца не жалеют и отца... Конечно, Каспару пришлось нарушить еще и договор с непререкаемой Му-Му: он не должен был брать денег с клиента, не обложенных данью Марины Михайловны. А Каспар взял! И взял не очень-то красиво. Но разви-

тие истории так его развеселило, что остановиться просто не было сил. Во многом благодаря Белозерскому, что оказался умелым провокатором:

– Ты их не разубеждай. Скажи, что я опасный ревнивый колдун. И пусть дают тебе бабки, чтобы ты их защищал от порчи. Мне процент за идею. Договорились?

Каспар решил попробовать шутки ради. Тем более ему куда приятнее было платить процент затейнику Белозерскому, чем алчной Му-Му.

Ученый муж при близком знакомстве оказался куда более охоч до мошеннических идей, чем до научных. Но надо отдать ему должное – ни одну он не реализовывал, все утекало в болтовню. Его забавляли красота и изящество преступной схемы, он наслаждался грехом эстетически... Дело обычное: те, кто сами не умеют, обычно наставники или начальники. И Каспар повелся. Он позвонил Классику и проникновенным голосом предупредил его об опасности и о сумме, которая эту опасность предотвратит. Сумма была взята с потолка, точнее из цветочного магазина. Столько стоила самая дорогая корзина диковатой икебаны с астрами, камышами и орхидеями.

– ...Ежемесячно! – зловеще нашептывал Белозерский и блудливо хихикал, мешая вести переговоры. Ему и в голову не пришло, что несчастный Классик согласится.

И принесет нужную сумму. Бледнея от ответственности, Каспар заверил, что отныне семья под защитой. Он не рискнул требовать ежемесячности, и тогда разыгравшаяся было совесть тут же уступила место азарту розыгрыша. В конце концов, Марина Михайловна за свой «Полный курс» просила раз в сто больше. А если учесть, что в таинственном комплекте ее антисглазовых процедур числились клизма и вошедшая в моду уринотерапия... В общем, Классику просто повезло! Он легко отделался.

Чего не скажешь о неловких махинаторах. Деньги быстро прокутили. Не разделяя на проценты и доли. Классик больше не звонил: успокоился. Белозерский предлагал «взбодрить» беднягу психологическим давлением, чтобы тот снова раскошелился во избежание ведьмовских проделок. Но предлагал опять не всерьез, конечно... Каспар уже привыкал к бесконечной, как водопроводное подтекание, болтливости Белозерского. Его бывшая жена называла это «преждевременным словоизвержением».

– Его язык доведет до преисподней, – жаловалась она Каспару. – Как начнет рассказывать про колдовские обряды – не остановишь. Говорил, что даже вуду – просто дети по сравнению с нашими северными народами. Нагнетал, что ведьмы среди нас и что им раз плюнуть навести порчу. Я его спрашиваю: «Зачем ты мне мозги пудришь?» А он отвечает, что незнание не освобождает от ответственности. А я ему отвечаю, что нужно делом заниматься, а не лясы точить. А он мне заявляет, что, мол, твоя протестантская этика тебя не спасет. А я говорю: «При чем тут протестанты, я ж просто по-человечески с тобой... Ну как можно во все это всерьез верить, ты мужик взрослый, а не бабка деревенская!» А он мне: «Надо знать врага в лицо, а не прятать башку в песок». А я ему говорю, что в мире столько опасностей, а ты еще мне душу мутишь всякой нечистью! А он говорит: «Я ученый, а ты малоразвитое существо». А я говорю, что скоро кандидатскую защищу, в отличие от него, п...бола плешивого... А он меня ведьмой обзывал! Меня! Я-то тут при чем, если он сам как леший с этими обрядами носился!

Каспар ей не сочувствовал. Он еще не знал тогда, что Белозерский может быть утомителен для близких. Быстро убедиться в этом не составило труда. Но Каспар еще долго находился под обаянием «плешивого», чей поток сознания будил авантюрное воображение.

– Ты заплыл не в те воды, – бодро вещал Белозерский. – Мозги обрастут ракушками в туалетной каморке. А надо, чтобы о тебе пошла народная молва! У меня план: мы организуем агентство. Название надо придумать звучное и непонятное. Например, «Асана». Главное, чтобы на «а» – так лучше воспринимается. Даем рекламное объявление: «Правдиво объясним ваше отсутствие в семье».

Народ потянется. Думаешь, не клюнут?! Может, и не сразу, но несколько звонков из любопытства будет. А там уже наша задача удержать рыбу на крючке.

– Что такое «Асана»? – только и спросил Каспар.

– Не важно. В общем, поза в йоге. Такие вещи надо знать! Хотя насчет названия и прочей эзотерики ты на меня вали, уж я им мозги запудрю. Мы будем работать по принципу «добрый и злой следователь». То есть в переводе на нашу почву: грустный психотерапевт и веселый шарлатан.

Объявление тиснул друг Белозерского в газете с обнадеживающим названием «Ладушка» под заголовком «О семье и о здоровье». Знакомец уныло там редакторствовал, мечтая возглавить русскоязычный «Плейбой». Но того еще не было в природе, и потому страдалец вот уже с полгода проникался тихой ненавистью к семейным ценностям. Он с радостью отреагировал на возможность пошалить. Затеяники ждали откликов, затаив дыхание, что противоречило здравому смыслу. «Ладушка» выросла на ниве своей предшественницы – вялой многотиражки, и ее читательская аудитория была крайне туманна. И тем не менее народ, как того ожидал болтливый мудрец, клюнул, заглотил и не поперхнулся. Были, конечно, оскорбленные письма от воинственно настроенных дам, видимо чувствовавших, что падут жертвами озабоченного «правдоподобия». В день выхода тиража не привыкший к демократическим свободам читатель, тяжело сопя, обдумывал предложение. А на второй день позвонили аж три человека. Первому, нетрезвому господину с шаляпинским тембром, было просто не с кем потрендеть. Второй неуверенным шепотом согласился подойти в контору. Третьей оказалась девушка. У нее вообще не было семьи. Она хотела устроиться на работу телефонной секретаршей. Эта немудреная должность как раз вошла в моду. Но, несмотря на моду, она стала любовницей Белозерского. Это призвание вне конкуренции. И совсем другая история.

Глава 5

Два кусочка сахара

Сашенькино прочтение надписи на кольце Соломона: «И эта пройдет».

Теперь эти несуразности в прошлом. Оглядываясь на них, Каспар мог сказать, что не жалел о содеянном. А это уже немало... да, очень немало, уговаривал он себя, волоча на плечах две тяжеленные сумки. В них покоились пачки с этнографическими брошюрками, которые вот уже полгода заменяли Каспару кровать. Брошюра имела туманный заголовок «Мордва: путь древних кельтов». Конечно, спать можно было и на полу. Но не только упрямство не позволяло снести пачки к помойке, дабы неисповедимыми путями книга нашла своего читателя. Все-таки Каспар пообещал смертельно больному Белозерскому, что сумеет продать хотя бы половину. Это был обет – вместо молчания или безбрачия. Покойный считал, что, только связав себя невыносимым до нелепости обязательством, можно достичь великой цели.

Он лукавил. Обязательство вовсе не казалось ему нелепым, ведь скромную монографию написал он сам. И ее даже чудом издали, однако распространять труд «всей паршивой жизни», как называл книжку Белозерский, пришлось самому гению. Гений к этому был не слишком расположен. Осчастливленными этнографическим опусом оказались лишь соседи-алкоголики и агрессивно-случайные люди, забредавшие к старому болтуну на огонек. По убеждению Каспара, они были отъявленными бандитами, но Белозерский дорожил этим общением. Однокашники, как-никак... и все при деле! Не то что Каспар с пустыми амбициями и ветром в карманах... Белозерский был предан бескорыстной науке, что не мешало ему уважать коммерческую удачу. Сочетание этих качеств отличало этнографа-оригинала и от коллег-ученых, и от дружок-бандитов. Чем он и был интересен.

К мечте Каспара о частной практике, славе и прочих уладах Белозерский относился скептически. Даже когда концепция Каспарова кредо созрела и окрепла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.